

Кызласова Инга Людовиковна

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ ДВИЖЕНИЯ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлены дискуссионные вопросы относительно статуса интенсивности, не получившие еще однозначного решения в аспектологии, и определяется круг способов и средств ее репрезентации в хакасском языке на примере самого употребительного класса глаголов – глаголов движения. Особое внимание уделяется описанию употребления глагольных аналитических конструкций с семантикой "интенсивности выше нормы", которые в хакасском языке обычно рассматриваются в рамках глагольной категории совершенного вида.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-2/28.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 110-114. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

нереальных, невозможных в действительности. Зачины, создающие образ ирреального сказочного мира, чрезвычайно редки. Тем не менее композиционная роль коми инициальных формул та же, что и в русской сказке – экспозиция сказочного повествования. Они вводят слушателя непосредственно в сказочное действие и содержат важную информацию о персонажах, о времени и месте действия.

Список литературы

1. Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1858. Ч. 1. 344 с.
2. Великорусские сказки Пермской губернии: сборник Д. К. Зеленина // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Петроград, 1914. Т. XLI. 656 с.
3. Евгеньева А. П. Сочетание «жили-были» в сказочном зачине // Памяти академика Л. В. Щербы: сб. статей. Л., 1951. С. 165-174.
4. Медриш Л. Н. О своеобразии русской сказочной традиции: национальная специфика сказочных формул // Фольклорная традиция и литература. Владимир, 1980. С. 66-91.
5. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в трех томах / изд. подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. М.: Наука, 1985. Т. I. 511 с.
6. Научный архив Коми НЦ УрО РАН (НАКНЦ). Ф. 1. Оп. 11.
7. НАКНЦ, Ф. 5. Оп. 2.
8. Национальный музей Республики Коми. Рукописный отдел.
9. Новиков Н. В. К художественной специфике восточнославянской волшебной сказки: начальные и заключительные формулы // Отражение межэтнических процессов в устной прозе. М.: Наука, 1979. С. 18-46.
10. Плесовский Ф. В. О взаимоотношениях между коми и русскими по историческим и фольклорным памятникам // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 129-143.
11. Рочев Ю. Г. Финно-угорские элементы в сюжете коми сказки «Шомвуква» // Жанр сказки в фольклоре народа коми: труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар, 1992. Вып. 53. С. 15-27.
12. Рошняну Н. Традиционные формулы сказки. М.: Наука, 1974. 216 с.
13. Сказки и предания Северного края / зап., вступ. ст. и коммент. И. В. Карнаухова. Л., 1934. 446 с.

INITIAL FORMULAE OF KOMI FOLK FAIRY TALES

Korovina Nadezhda Stepanovna, Ph. D. in Philology

*Institute of Language, Literature and History of Komi Scientific Centre of Ural Department of Russian Academy of Sciences
nadezhdakorovina@mail.ru*

The problem of studying the poetics and style of Komi people's fairy tales includes the research of its stable poetic structures – traditional formulae. Up to now they have not been the subject of special study. In this regard, the author for the first time reveals the general list of initial formulae of Komi fairy tales, researches their varieties, originality, the place in the composition of a fairy tale, and for the comparison involves the Russian fairy tales texts, published in various collections.

Key words and phrases: initial formula; Komi folk fairy tale; formula of time; formula of inauthenticity; formula of existence; representative verbal pair.

УДК 811.512.153

Филологические науки

В статье представлены дискуссионные вопросы относительно статуса интенсивности, не получившие еще однозначного решения в аспектологии, и определяется круг способов и средств ее репрезентации в хакасском языке на примере самого употребительного класса глаголов – глаголов движения. Особое внимание уделяется описанию употребления глагольных аналитических конструкций с семантикой «интенсивности выше нормы», которые в хакасском языке обычно рассматриваются в рамках глагольной категории совершенного вида.

Ключевые слова и фразы: интенсивность; глаголы движения; хакасский язык; аспектуальность; способы действия; глагольная аналитическая конструкция.

Кызласова Инга Людовиковна, к. филол. н.

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
ikyzasova@yandex.ru*

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ ДВИЖЕНИЯ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ®

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ. № 6.8115.2013.

Статус интенсивности в аспектологии четко не определен: одни исследователи признают ее самостоятельным функционально-семантическим полем в сфере аспектуальности [1; 3], другие считают ее подтипом

количественной аспектуальности [7; 8; 17; 18], третьи рассматривают ее в поле лимитативности в качестве различных способов действия [11].

В тюркских языках для реализации аспектуального значения интенсивности действия используется довольно широкий круг разноуровневых языковых средств, что позволяет признать ее частным функционально-семантическим полем в структуре аспектуальности. Основным содержанием ее является количественное выражение степени протекания действия в рамках интенсивности выделяются семантические типы: «интенсивность выше нормы» и «интенсивность ниже нормы», каждый из которых имеет свой арсенал средств выражения. Так, *интенсивность выше нормы* в хакасском языке обозначается: а) глагольными аналитическими конструкциями (далее – ГАК): *-а тўс* – ‘падать’, *-ып тастабыс-* ‘бросить; выбросить, выкинуть’, *-ып салыбыс-* ‘отпустить, выпустить’, *-а хон* – ‘садиться (слету), опускаться, спускаться’, *-а сал* – ‘класть’, *-а хал* – ‘оставаться’, *-а пир* – ‘дать’; б) внутренней семьей глагола-сказуемого: *ойлирга* ‘мчаться’, *кўплирге* ‘грохнутьяся’; в) редупликацией глагола: *хырызынчаан хырызынча* ‘все ругается и ругается’, *читпинең читпиче* ‘все не достигнет’.

Интенсивность ниже нормы в хакасском языке выражается аффиксами ослабленности *-ымзыра* (*кўлимзыре* ‘улыбаться’), *-сын* (*агырсын* ‘недомогать’), *-ыхсы* (*хыныхсыбасха* ‘недолюбливать’, *майыхсы* ‘чувствовать усталость’), *-ңна* (*ылгаңна* ‘поплакивать’), *-рха, -сырха* (*кўннерке* ‘проявлять ревность’, *пай-сырха* ‘держаться как состоятельный, богатый’) и лексическим способом (*чыларга* ‘ползти’, *саарирга* ‘утихать, ослабевать (о ветре, дожде)’).

Доминирующим средством модификации интенсивности по способам действия является *глагольная аналитическая конструкция*, которую квалифицируют как «нечленимый синтез формы полнозначного глагола и определенного служебного слова, скрепленный грамматическим значением» [19, с. 25]. В нашей статье в качестве полнозначного глагола выступает самый употребительный класс глагольной лексики – *глаголы движения*; в качестве служебного слова – модификаторы *тўс-* ‘падать’, *сал-* ‘класть’, *хал-* ‘оставаться’, *хон-* ‘садиться слету’. В семантике каждого модификатора заложена информация о фазовой структуре процесса, которую они актуализируют (старт – финиш). Во-вторых, модификаторы могут партнерствовать не со всеми глаголами движения, поэтому представляется необходимым дать классификационную схему глаголов движения.

Глаголы движения делятся на два больших класса:

1) глаголы однонаправленного движения: а) по вертикали «вверх / вниз» (*поднимать(ся), взбираться, опускаться, падать*); б) по горизонтали «изнутри / вовнутрь» (*выходить, входить*); «к субъекту / объекту» (*приходить, прибывать, приближаться, доходить, достигать*); «от субъекта / объекта» (*уходить, отправляться, покидать, уезжать, удаляться*);

2) глаголы ненаправленного движения: а) «характер движения» (*ползти, кататься, прыгать, скакать, преследовать, ловить, поймать, гнаться, уходить, хромать, семенить, вышагивать* и др.); б) «среда движения» (*плыть, лететь, порхать, парить, ступать, шагать, ходить, ездить*); в) «интенсивность движения» (*бежать, мчаться, спешить, ползти, медлить, тащиться, плестись*).

Синтаксические конструкции с глаголами движения в хакасском языке описаны А. Н. Чугунковой [16, с. 219-221]. Мы рассмотрим морфологические конструкции с глаголами движения.

Удв+а тўс-

Модификатор *тўс-* ‘падать’ сочетается со всеми глаголами движения и «обозначает исчерпанность одного из этапов действия, проявляемого внезапно» [19, с. 81]. Например, исчерпанность начальной фазы движения (1) или его завершенность (2):

(1) *Ўстўнзер оор кўдиріле тўскен* [4, с. 74] ‘Вверх стал подниматься пар’; *Хызыгыс паза кірліг хонхы чугынча агырыга, ачытхы чілі, тари тўзер оңдайлар пирче* [9, с. 14] ‘Нищета и грязь, как дрожжи, вызывают распространение заразных болезней’; *Хайдаң на полза сыга тўсчелер* ‘Возникают из ниоткуда’.

(2) *Сах андох үгү чирзер напли ле тўскен* [15, с. 135] ‘Тотчас сова шлепнулась на землю’; *Ол улуг пастых Чымыйаковсар кіре тўсті* [12, с. 44] ‘Этот большой начальник заявился к Чымыйакову’; *Санка одырды, одырды, анаң тура тўсті* [Там же, с. 55] ‘Санька сидел, сидел, да как вскочит’.

Употребление ГАК *-а тўс-* в данном значении зафиксировано в якутском, хакасском, тувинском, алтайском и казахском языках [19, с. 81].

В хакасском языке модификатор *тўс-* выражает четыре перфектных значения: 1) исчерпанность начального этапа движения, проявляемого интенсивно (ингрессив); 2) стремительное или неожиданное завершение одноактного действия (семельфактив); 3) интенсивный многоактный способ действия; 4) активная деятельность, ограниченная коротким промежутком времени (делимитатив).

Определить перфектные значения помогают контекст, синтаксическое окружение и временная или имперфектная форма, в которую облекается модификатор *тўс-*. Так, ингрессив выделяется в тех высказываниях, где по контексту действие расчленено на фазы начала и продолжения: [*телефон зазвонил и продолжает звонить*]. Основной временной формой глагола *тўс-* являются прошедшее время на *-кен* и недавнопрошедшее время на *-ті*: *Бырчының истребительлері теерпекти айлахтыныза тўскеннер* [9, с. 36] ‘Вражеские истребители заходили кругами’; *Ах киттіг чон табыс сыххан чирзер іділізе тўстілер* [4, с. 11] ‘Народ в белом одеянии двинулся (начал двигаться) в сторону источника звука’.

Семельфактив обозначает «осуществление действия в один прием, без расчлененности на фазы и часто считается моментальным» [17, с. 160], например: [*выстрел прозрел и прекратился*]. Основная форма глагола – прошедшее время на *-кен* и недавнопрошедшее время на *-ті*, соединительное деепричастие *-in*: *Мындаг чабал табысха теесте турчатхан чон тырбанни тўскен* [12, с. 46] ‘От такого злого окрика народ в очереди вздрыгнул’; *Хыйга ады тохти тўсті* [Там же, с. 77] ‘Его умная лошадь тут же остановилась’;

Öö тагны аза тўзип, олар көөлче Асхыс чирине чидип одырганнар [9, с. 15] ‘Перевалив через Уйтак, они постепенно стали приближаться к Аскизской земле’.

Многоактный способ действия обозначает «действия, расчлененные на неограниченно-повторяющиеся отдельные акты» [17, с. 162], например: [телефон время от времени начинал звонить]. Основная форма глагола – настоящее время на *-че*, определенное прошедшее на *-четкен* и прошедшее обычное на *-чең*: Хайзы кинетинге ле чачыраңни тўсче [2, с. 30] ‘Некоторые внезапно вздрагивают’; Илона аны сизинибискен одыр: кинетин айлана тўсчеткен алай азахтарын пирде пирсиниң үстўне салыбысчатхан [12, с. 12] ‘Видимо, Илона стала это замечать: резко поворачивалась или клала ногу на ногу’; Сала маң ползох, хызычаан хучахтана, пўдиріг орнына чиде тўсчең [9, с. 21] ‘В любое свободное время являлся на стройку с дочерью в руках’.

Делимитативы образуются от моторно-кратных глаголов (*бегать*, *бродить*, *возить*, *ездить*, *летать*, *плавать*, *ходить* и др.) и выражаются формой прошедшего времени на *-кен* и обстоятельственными словами *хайди-да* ‘как-то, в какое-то время’, *хачан-да* ‘когда-то’ или формой давнопрошедшего сложного времени на *-кен полган*: *чўре тўскен хайди-да* ‘как-то стал посещать (но прекратил)’, *чўгўре тўскен полган* ‘побежал было’.

Вдв+–а сал-

Слитное деепричастие на *-а* и модификатор *сал-* ‘класть’ образовали ГАК со значением – «внезапное, неожиданное законченное действие» [6, с. 70]. В хакасском языке данная форма образуется только от глаголов движения, их четыре (*кїр-* ‘войти’, *сых-* ‘выйти’, *чит-* ‘дойти’ и *тур-* ‘стоять’), глаголы других семантических групп передают данное значение формой *-ып салыбыс-* (*-ып* – соединительное деепричастие, *салыбыс-* ‘отпустить, выпустить’): *Анаң, кинетин не тура салып, піс ікўлеңи хучахтап-хучахтап салыбысты* [4, с. 84] ‘Потом, внезапно вскочив, вдруг сильно-сильно обнял нас двоих’.

В шорском языке *шыга сал-* ‘выйти’ и *тура сал-* ‘встать’ представляют собой устойчивые сочетания [18, с. 87], видимо, без семантики интензивности; она (интензивность) присутствует в форме *-п сал-*. В алтайском языке значение конструкции *-а сал-* такое же, как в хакасском языке, однако эта форма не сочетается с глаголами движения и перемещения; эту функцию выполняет форма *-п ий-* [13, с. 7].

В хакасском языке ГАК *-а сал-* передает следующие способы действия:

1) неожиданно, внезапно законченные однократные действия: – *Пионер сўзін пирчєбіс, – апсахтың алнына сыга салды чапчаң Тачана* [4, с. 40] ‘– Честное пионерское, вдруг вышла к старику бойкая Тачана’; *Тыстанмаам, кинетин орнымнаң тура салып, отахтаң сыгара хонгам* [Там же, с. 81] ‘Я не выдержал, внезапно сорвавшись с места, выскочил из шалаша’;

2) неожиданные повторяющиеся действия: *Өртектєр, тізең, хайдаң на полза чиде салчалар ба хайдаг* [10, с. 14] (АС, КСС, 14) ‘А утки-то (внезапно) появляются отовсюду’.

Вдв+–а хон-

Модификатор *хон-* ‘садиться (слету), опускаться, спускаться’ сочетается только с четырьмя глаголами движения, обозначая их стремительность в двух направлениях: а) по вертикали «вверх / вниз»: *тура хон-* ‘подскочить, подпрыгнуть, быстро подняться’; *тўзїре хон-* ‘упасть камнем; ринуться вниз’; б) по горизонтали «наружу / вовнутрь»: *сыгара хон-* ‘выскочить, выбежать’; *кїре хон-* ‘вбежать, забежать, юркнуть’.

В алтайском языке *кон-* также присоединяется к глаголам движения и обозначает внезапность, стремительность действия [14, с. 135].

В хакасском языке в ГАК *-а хон-* деепричастный компонент представлен в форме побудительного залога: *сыгара* от глагола *сыгар-* ‘выводить, выставлять, выносить’, *тўзїре* – от глагола *тўзїр-* ‘спускать’, *кїре* – от глагола *кїр-* ‘вводить, впускать, загонять, заносить’. Такая лексема передает признак «непроизвольности» движения, которая может подчеркиваться также обстоятельными словами причины или контекстом: *Анодада, чарынаң сых парган хазыр суг чїл, өкпеленїп, Казан педсоветтең сыгара хонган* [5, с. 4] ‘Тогда-то в сердцах Казан выбежал из педсовета’; *Казан Устинович стольнаң табыраанча тура хонган. Чо-ох, ол пазындырагга пирбєс, чо-ох, адын уятха сугарга пирбєс* [Там же, с. 32] ‘Казан Устинович живо поднялся из-за стола. Не-ет, он не даст себя в обиду, не-ет, не позволит чернить свое честное имя’.

ГАК *-а хон-* может указывать на повторяющийся характер стремительно происходящего действия: *Че Оркон Петрович чахсы пілчеткен: тузы читсе, іче кїзі сагамох усхун парар, анаң сагамох тура хонар* [Там же, с. 6] ‘Но Оркон Петрович хорошо знал: когда подойдет время, мать сразу проснется, потом сразу встанет’.

Употребляясь в отрицательной форме, переводит семантику в антонимичную ситуацию. Ср.: (1) *Агаа удур, изеннезїп, парта кистїнең онынчы класстың ўгренчїлерї тура хонганнар* [Там же, с. 43] ‘Ему навстречу, приветствуя, из-за парт резво поднялись ученики десятого класса’ – (2) *Че ўгренчїлер сагамох орныларынаң тура хонмааннар (онинчы класс ноза), көөлче столлар кистїнең турлап сыхханнар* [Там же, с. 52] ‘Но ученики не вскочили сразу со своих мест (десятый класс все-таки), медленно поднялись из-за парт’.

Вдв+–а хал-

Модификатор *хал-* ‘остаться’ употребляется с глаголами движения, ориентированными в направлении «от субъекта наблюдения», выражая «быстрое удаление, исчезновение движущегося субъекта»: *Ічезїнің хараанаң чўре халганнар, пабазының хараана ам даа көрїнгелектєр* [Там же, с. 34] ‘От матери (букв.: от материнских глаз) ушли, на отцовские глаза еще не показали’; *Іргї тонычаан на тастанып, тасхар сыга халган* [Там же, с. 32] ‘Накинув лишь старую шубенку, вышел на улицу’; *Адай, хорых парып, хыйа чўгўре халган* [10, с. 12] ‘Собака, испугавшись, убежала прочь’.

Глаголы движения могут модифицироваться наречиями *табырах* ‘быстро’, *маңзыри* ‘торопливо, спешно’, частицей *ла / ле* ‘только и’ либо самой семантикой глагола: *Аны ла икенде, Тотаңас ибїнзер сопастї ла халган* [4, с. 62] ‘Только услышав это, Тотанас потрусил домой’; *Анаң ол кїрї инейнїң тырысхатаныбысхан*

наагын охсан килпн, табырах пазытнаң харындазының соонаң мытлы халган [5, с. 35] 'Потом он, поцеловав за морщинистую щеку старую бабушку, быстрым шагом помчался за братом'.

Глаголы других семантических групп передают быстроту и завершенность действия формой *-ып тастабыс-* 'бросить, выбросить': *Күстіг Тотан, Песелей хамны төзінең хаап алып, «сагаа нима читпинче, айна читпинче бе?» тіп, пір хати чүс пастыра тазылат пар килген. Анаң ікінчизін пазох ла ызылат тастабысхан* [15, с. 13] 'Сильный Тотан, схватив за грудь шамана Песелея, с криками «тебе чего не хватает, чертей не хватает?», ударил его один раз по морде. Потом поддал ему во второй раз'.

В шорском языке форма *-а кал-* малоупотребительна, вытесняется формой *-п кал-*. Разница в значении этих форм утрачивается: в зависимости от номинативного компонента имеют модальное значение «успеть что-либо сделать» или акциональное значение «статальность» [18, с. 90-91].

В алтайском языке форма *-а кал-* передает: 1) результирующее действие – с глаголами местонахождения, 2) действие, переходящее в состояние, – с глаголом *жүр-* 'ходить' [13, с. 7].

Примеры хакасского языка показывают, что ГАК *-а хал-* выражает следующие способы действия:

1) быстрое удаление от наблюдателя, совершенное субъектом движения однократно: *Пүүн нлдізі чох ырахсар чыла халган ол тустар* [9, с. 8] 'Сегодня в неведомую даль ускользнули те времена'; *Полковник, айланьп, сыга халган* [Там же, с. 37] 'Полковник, развернувшись, вышел'; *Чол тогырлы ойлапчадьп, чікім хаядаң көзе халгам* [4, с. 32] 'Перебегая через дорогу, сехал с крутого обрыва'.

2) направленность действия на быстрое совершение действия от начала до конца, сквозь время: *Үгредіг чылы табырагох ирте халган чи* [9, с. 10] 'Да, учебный год прошел по-быстрому'; *Пис чыл табырагынаң ирте халган* [Там же, с. 28] 'Пять лет прошли быстро';

3) быстрые повторяющиеся движения, совершаемые в направлении «от наблюдателя» или «перед наблюдателем»: *Кидер, тогыр сиңізе халчалар* (истребительлер) [Там же, с. 36] 'Вдоль, поперек пролетают (истребители)'; *Аны постарынзар чагдапчатханын көр салып, агын хустар сах андох сиргектінібісчелер, чардаң оортах араң чүзе халчалар* [10, с. 17] 'Увидев его приближение к себе, перелетные птицы тотчас настораживаются, отплывают подальше от берега';

4) Трехкомпонентный ГАК с двойным глаголом перемещения *тарт-* 'тянуть' и *чөр-* 'ходить' к вышеуказанным значениям добавляет смысл «длительного пути»: *Аны, сагыс чох аңдарыл парганда, хостаан аттыг Асхыссар тарт чөре халганнар* [9, с. 16] 'Когда он упал без сознания, его на парных лошадях повезли (торопливо, но осторожно) в Аскиз'.

Таким образом, в хакасском языке аспектуальное значение «интенсивность движения выше нормы» выражается четырьмя аналитическими конструкциями с модификаторами *түс-* 'падать', *сал-* 'класть', *хал-* 'остаться', *хон-* 'садиться слету', каждая из которых в сочетании с разными единицами глаголов движения передает перфектные значения неожиданности, внезапности, стремительности, быстроты в начальной или финишной фазе, происходящие либо одномоментно, либо многократно, либо на короткое время.

Список литературы

1. Абуталипова Р. А. Функционально-семантическая категория аспектуальности в башкирском языке: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2009. 45 с.
2. Ах тасхыл. Хоос литература паза халых-чарыдыг альманагы. Агбан: Книга сыгарчаң хакас пөлігі, 1991. 155 с.
3. Белошапкина Т. В. Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке. М.: КомКнига, 2007. 336 с.
4. Бураков Ф. Тигір оды. Абакан, 1977. 112 с.
5. Иртенгі ган. Повести и рассказы (В. Татарова, И. Топоева, А. Чапрай). Абакан, 1989. 184 с.
6. Карпов В. Г. Хакасский язык: проблемы и перспективы развития. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2007. 260 с.
7. Маслов Ю. С. К основам сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 4-44.
8. Насилов Д. М. К характеристике количественной аспектуальности в узбекском языке // Советская тюркология. Баку, 1985. № 1. С. 64-70.
9. Нербышев К. Вижу доктор!!! На хакасском языке. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2005. 56 с.
10. Султреков А. Косички из солнечных лучей. Күн сустарының сүрместері. На хакасском языке. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2004. 112 с.
11. Теория функциональной грамматики: введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 352 с.
12. Топоев И. Туғаннар: сб. рассказов. Абакан: Хакас. издат., 1992. 122 с.
13. Тохнина Э. Т. Бивербальные конструкции с аспектуальной семантикой недлительности в алтайском языке (в сопоставлении с шорским языком): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 20 с.
14. Тыбыкова А. Т. Избранные труды. Теоретические вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 2010. 392 с.
15. Чалбарт хайаның чазыгтары. Тайны горы Чалбарт. На хакасском языке. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2008. 260 с.
16. Чугунова А. Н. Формально-семантические модели предложений с предикатами движения, построенные по схеме N=1 N=6 V=дв. (на материале хакасского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7. Ч. 1. С. 219-221.
17. Шелякин М. А. Категория аспектуальности русского глагола. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 272 с.
18. Шенцова И. В. Акциональные формы глагола в шорском языке. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 148 с.
19. Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1965. 275 с.

MEANS OF MOTION INTENSITY EXPRESSION IN THE KHAKASS LANGUAGE

Kyzlasova Inga Lyudovikovna, Ph. D. in Philology
Khakass State University named after N. F. Katanov
ikyzasova@yandex.ru

The author presents the debatable questions concerning the status of intensity, not having a single solution in aspectology, determines the range of modes and means of its representation in the Khakass language by the example of most commonly used class of verbs – verbs of motion, and pays particular attention to the description of using verbal analytical constructions with the semantics of “intensity above the norm”, which are usually considered in the Khakass language within the framework of verbal category of a perfect form.

Key words and phrases: intensity; verbs of motion; Khakass language; aspectuality; modes of action; verbal analytical construction.

УДК 802.0:801

Филологические науки

В статье представлено исследование средств вербализации экологического концепта «Erwärmung» / «Потепление» в современном немецком газетно-публицистическом дискурсе на основе рассмотрения дистрибутивно-синтагматических связей лексем, являющихся номинантами данного экоконцепта. Среди адъективных, глагольных, предложных, субстантивных типов сочетаний лексем, репрезентирующих экологическую информацию о потеплении климата, выявляются доминантные. На основании квантитативного превалирования определенного типа сочетаний лексем-номинантов экологического концепта «Erwärmung» / «Потепление», а также анализа оценочной семантики лексем дистрибуции определяется характер восприятия рассматриваемого концепта в немецкой концептосфере.

Ключевые слова и фразы: концепт; концептосфера; дистрибутивно-синтагматические связи; глагольные; адъективные; субстантивные; предложные сочетания; семантико-структурные классы; оценочная семантика.

Лагутина Анна Александровна

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
annla@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО
КОНЦЕПТА «ERWÄRMUNG» / «ПОТЕПЛЕНИЕ» В СОВРЕМЕННОМ
НЕМЕЦКОМ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ[©]**

На сегодняшний день когнитивная лингвистика прочно заняла свое место в парадигме концепций современного мирового языкознания. Именно ее возникновение и бурное развитие являются характерной чертой языкознания рубежа веков. По определению В. З. Демьянкова и Е. С. Кубряковой, когнитивная лингвистика изучает язык как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации [2, с. 53-55].

Результатом ментального процесса восприятия, переработки информации являются концепты. Вслед за Е. С. Кубряковой в данной статье под концептом понимается «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка и мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Там же, с. 90-93]. Мысль о том, что концепт как ментальная единица может быть описан через анализ средств его языковой объективации, является основным постулатом когнитивной лингвистики [4].

Человек как живой организм, существующий в мире и взаимодействующий с окружающей действительностью, получает некоторый опыт, результатом которого и является концепт — ментальная структура, отражающая и фиксирующая опыт [7].

В настоящей статье мы проведем исследование одного из экологических концептов – концепта *Erwärmung* («Потепление»). Экология и защита окружающей среды становятся все более значимыми составляющими жизни современного мирового сообщества, и информация об экологических процессах и явлениях все более проникает в коммуникативную деятельность социума. Результатом восприятия, переработки и концептуализации экологической информации являются экологические концепты. Характерные на сегодняшний день интенсификация и глобализация воздействия человека на окружающую его среду сопровождаются небывалыми ранее интенсификацией и глобализацией негативных последствий этого воздействия. И если раньше человечество испытывало региональные и локальные экологические кризисы, которые могли привести к гибели какой-либо цивилизации, но не препятствовали дальнейшему процессу человеческого рода в целом, то сегодняшняя экологическая ситуация чревата глобальным экологическим коллапсом. Рассмотрение экологических концептов в целом и концепта *Erwärmung* («Потепление») в частности имеют на сегодняшний день значение не только для лингвистики, но и с позиции общечеловеческих ценностей.